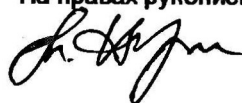

0-779816

На правах рукописи

НАДЕРГУЛОВ МИНЛЕГАЛИ ХУСАИНОВИЧ

**ИСТОРИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ЖАНРЫ
БАШКИРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ГЕНЕЗИС, ТИПОЛОГИЯ, СТИЛЬ И ТРАДИЦИИ)**

**Специальность 10.01.02. – Литература народов
Российской Федерации
(башкирская литература)**

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук**

УФА – 2009

Работа выполнена в отделе литературоведения Учреждения Российской академии наук Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук

Научный консультант – доктор филологических наук, профессор, академик АН Республики Башкортостан Хусайнов Гайса Батыргареевич

Официальные оппоненты:

**доктор филологических наук
Исламов Рамиль Фанавиевич**

**доктор филологических наук,
профессор Нургалин
Зиннур Ахмадиевич**

**доктор филологических наук
Бикбаев Равиль Тухватович**

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Чувашский государственный университет»

Защита состоится « 17 » декабря 2009 года в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212. 013. 06 по присуждению ученой степени доктора филологических наук при ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет» по адресу: 450074, г. Уфа, ул. З. Валиди, 32, главный корпус.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет».

Автореферат разослан « 16 » *кальп* 2009 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,

**доктор филологических наук,
профессор**

Федоров Александр Александрович

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000621169

Общая характеристика работы

Состояние и уровень разработанности темы. Среди письменных памятников Башкирии большое место занимают исторические сочинения. Их изучение началось еще в XIX веке. Первыми на них обратили внимание русские ученые-краеведы, затем башкирские, татарские и казахские просветители, в том числе В. В. Вельяминов-Зернов, Р. Г. Игнатьев, М. В. Лоссиевский, Ч. Ч. Валиханов, Ш. Марджани, М. Уметбаев и другие¹. Этим исследователей объединяет одно общее качество: к сочинениям они относились только как к историческим источникам и каждую рукопись оценивали исходя из того, верно ли в ней отражено историческое прошлое или нет. По данному вопросу нередко возникали споры и дискуссии.

Не случайно названы здесь фамилии татарских и казахских ученых, ибо отдельные письменные памятники прошлого, в том числе и некоторые исторические сочинения, считаются общим достоянием культуры тюркских народов Урало-Поволжья. Причины этого явления научно изучены и раскрыты в трудах многих ученых-востоковедов. Они нашли от-

¹ Вельяминов-Зернов В. В. Памятники арабско-татарскою надписью в Башкирии // Труды Вост. отд. Императ. русск. археол. об-ва – СПб, 1859. – Т. 4. – С. 257–284; Игнатьев Р. Г. Сказания, сказки и песни, сохранившиеся в рукописях татарской письменности и в устных пересказах у инородцев-магометан Оренбургского края // Записки Оренб. отд. Императ. русск. геогр. об-ва. – Оренбург, 1875. – Вып. 3. – С. 183–236; Лоссиевский М. В. Былое Башкирии и башкир по легендам, преданиям и хроникам: Историко-этнографический очерк // Справочная книжка Уфимской губернии / Сост. Н. А. Гурвич. – Уфа, 1883. – Отд. 5. – С. 368–389; Валиханов Ч. Ч. Собр. соч.: В 5 т. – Алма-Ата: Изд-во АН Каз.ССР, 1961. – Т. 1. – 777 с; Марджани Ш. Извлечения из известий о положении в Казани и Булгаре. – Казань, 1885. – Т. 1. – С. 40 (на старотат. яз.); Уметбаев М. Памятки. – Казань, 1897. – С. 45–50 (на старотюрк. яз.).

ражение и в работах башкирских литературоведов А. И. Харисова и Г. Б. Хусаинова¹.

Начиная с 20-х годов прошлого столетия изучение исторических сочинений приняло более углубленный и разносторонний характер. К ним стали обращаться не только историки, но и представители других наук. Например, в первой половине 1920-х годов татарский литературовед Г. Рахим (Г. М. Габдрахимов), проанализировав средневековое анонимное сочинение «Чингизнаме» («Книга о Чингизе»), пришел к выводу о том, что оно имеет определенную художественно-эстетическую ценность². Свою мысль он обосновал ссылкой на имеющиеся в тексте памятника многочисленные поговорки и крылатые выражения. В конце 1920-х годов башкирский ученый С. Мрясов (С. Мирас – С.Г. Мрясов) опубликовал тексты нескольких родословных записей – шежере и назвал их своеобразными историко-литературными памятниками³. Другой башкирский литературовед Г. Вильданов (Г.Ф. Вильданов) к подобным источникам относил и исторические сочинения регионального характера⁴.

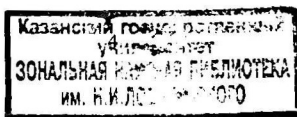
Однако к середине 1930-х годов, вследствие чрезмерной социологизации науки и абсолютизации классового сознания, исследования арабграфичных рукописей и книг прекратились. В сущности, их могли изучать лишь те, кто эмигрировал за рубеж. Так, А. Инан (Ф. М. Сулейманов), находясь в Турции, анализировал «Чингизнаме» неизвестного автора и отметил, что оно тесно связано с башкирским фольклором и литературой и в то же время содержит ряд сюжетов и мо-

¹ См.: Харисов А.И. Литературное наследие башкирского народа. XVIII–XIX века. – Уфа: Башкирское издательство, 1973. – С. 15–44, 180–187; Хусаинов Г.Б. Голос веков. – Уфа: Башкирское издательство, 1984. – С. 11–43, 285–294 (на башк. яз.).

² Рахим Г., Газиз Г. История татарской литературы. – Казань, 1924. – Т. 1. Древний период. Глава 3. – С. 29–36 (на тат. яз.).

³ Мирас С. Башкирские шежере (тайра) // Башкорт аймагы. 1927. – № 4. – С. 1–6 (на башк. яз.).

⁴ Вилданов Г. Краткий обзор истории башкирской литературы // Аймак. 1931. – № 1(7). – С. 39–51 (на башк. яз.).

тивов, восходящих к раннесреднековым монгольским и персидским источникам¹.

Изучение письменных памятников возобновилось лишь в конце 1950-х – начале 1960-х годов, в так называемые «времена оттепели». В результате, увидела свет книга «Башкирские шежере» (Уфа, 1960), подготовленная Р. Г. Кузеевым. В Татарстане вышла работа М. А. Усманова «Татарские исторические источники XVII–XVIII вв.» (Казань, 1972).

В 1970-х – начале 1980-х годов в области изучения исторических сочинений наиболее активно работал Г. Б. Хусаинов. В своих исследованиях он затронул ряд общетеоретических вопросов, связанных с жанровой природой, истоками и традициями этих памятников, в определенной степени раскрыл их генетические и типологические связи с другими жанрами литературы и фольклора. Ученый сравнительно глубже исследовал жанр шежере. Выявил его основные жанрообразующие признаки, освещал историю возникновения и развития, охарактеризовал стилевые и композиционно-структурные особенности. Кроме того, в печати опубликовал тексты нескольких доселе неизвестных шежере. Другой жанр – таварих он изучал главным образом в плане истоков и традиций².

В 1990 году увидел свет транскрибированный и переведенный на русский язык текст сочинения «Тарихнаме-и булгар» («Историческое сочинение о булгарах») Т. Ялсыгула. Книгу подготовил к изданию лингвист И. Г. Галяутдинов (в 1998 году он издал переработанный и дополненный вариант книги). Изучив данное сочинение, М. Х. Идельбаев пришел к выводу о том, что «это не чисто историческое сочинение, а своего рода

¹ Инан А. О книге «Дастан-и насл-и Чингиз-хан» // Азербайджан юрт билгиси. 1934. – №3. – С. 25,28 (на турецк. яз.).

² Хусаинов Г. Время. Литература. Писатель. – Уфа: Башкирское издательство, 1978. – С. 80-90 (на башк. яз.); Он же. Шежере. Таварихи // История башкирской литературы, в 6 т. – Уфа: Башкирское издательство, 1990. – Т. 1. Средневековой период. – С. 270–313 (на башк. яз.); Он же. Литература и наука. Избранные труды. – Уфа: Гилем, 1998. – С. 390–391.

проявление стремления автора к художественности, сопровождаемой вымыслом и фантазией»¹.

Актуальность исследования. На нынешнем этапе развития национальной литературоведческой науки актуальность и важность приобретает комплексное, системное изучение историко-функциональных жанров. Привлекая новонайденные архивные источники, необходимо широко и разносторонне осветить историю возникновения, развития и трансформации каждого жанра, особенно малоизученных таварих и тарихнаме, определить их основные жанрообразующие признаки и жанровые границы, раскрыть художественно-эстетические и стилевые особенности, выявить место и роль историко-литературных сочинений в становлении новой литературы. Настало время провести сравнительно-типологический анализ шежере, тавариха и тарихнаме на широком фоне историко-функциональных жанров восточных и западных литератур. И, наконец, нуждается в дальнейшей теоретической разработке явление функциональности средневековой литературы.

Основная цель работы – дать наиболее полную характеристику историко-функциональным жанрам башкирской литературы, осветить историю их возникновения и трансформации, определить место и роль в становлении новой литературы. Для достижения этой цели ставятся следующие задачи:

- опираясь на труды отечественных и зарубежных ученых, раскрыть сущность функциональности средневековых литературных жанров и определить степень изученности этого явления в башкирском литературоведении;

- на конкретных примерах показать историю возникновения генеалогий у древних тюрков и башкир;

¹ Идельбаев М. Х. Башкирская литература XVIII в. и творчество Салавата Юлаева. – Уфа: Изд-во БашГУ, 2003. – С. 52.

- раскрыть жанровые и художественно-стилевые разновидности башкирских родословных записей;

- осветить историю зарождения и становления жанра таварих в тюркско-башкирской литературе с привлечением новонайденных исторических сочинений XVIII–XIX веков;

- на конкретных материалах продемонстрировать бытование в прошлом жанра тарихнаме в башкирской литературе и выявить его основные жанрообразующие признаки;

- в сравнительно-сопоставительном плане показать общие и отличительные стиливые особенности жанров таварих и тарихнаме;

- на основе хронологического анализа башкирских исторических сочинений конца XIX – начала XX веков проследить процесс постепенной трансформации историко-функциональных жанров и зарождения художественной исторической прозы.

Материалы исследования и источники. Фактологическую основу диссертации составили тюркско-башкирские арабографичные историко-литературные сочинения XVI – начала XX веков, хранящиеся в библиотечных фондах и архивах Уфы, Казани и Санкт-Петербурга. Часть рукописных источников была найдена автором этих строк во время археографических экспедиций и командировок, организованных в 80-х годах прошлого столетия Институтом истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. Для научного анализа была привлечена также одна рукописная книга из частной коллекции башкирского литературоведа академика Г. Б. Хусаинова.

Методология и методика исследования. Методологическую основу работы составляют положение об исторической обусловленности возникновения и бытования памятников культуры, принципы объективности и историзма. Основные методы анализа: сравнительно-исторический, системно-типологический, описательный и аналитический. Автор иссле-

дования стремился по возможности полнее учесть достижения отечественного и зарубежного литературоведения по изучению историко-литературных памятников.

Научно-теоретической основой диссертации послужили труды Д.С. Лихачева, Б.Л. Рифтина, В.В. Кускова, Г.Б.Хусаинова, Ю.В. Стенника, М.К. Хамраева, И.Ю. Крачковского, О.В. Творогова, А. Я.Гуревича, Х.А.Р. Гибба, В. М. Жирмунского, М. И. Стеблина-Каменского, А.И. Харисова, Р.Н. Баимова, Г. С. Кунафина и других ученых¹.

Наряду с оригиналами и списками первоисточников были использованы публикации древних и средневековых текстов, подготовленных такими исследователями, как И. Халфин, Р. Джиганшин, М. Уметбаев, М. В. Лоссиевский, Р. Г. Игнатъев, В. В. Вельяминов-Зернов, В. И. Даль, С. Мирас, Н. Ф. Катанов, В. А. Панов, С. Е. Малов, А. Шамаро, Р. Г. Кузеев, М. А. Усманов, О. Г. Большаков, А. М. Акрамов, Г. Б. Хусаинов, Ф. А. Надршина, И. Г. Галаятдинов, Р. М. Булгаков и другие.

¹ Лихачев Д. С. Избр. работы: В 3-х т. – Л.: Худож. лит., 1987. – Т. 1. Развитие русской литературы X-XVII веков. Поэтика древнерусской литературы; Рифтин Б. Л. Типология и взаимосвязи средневековых литератур //Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. – М.: Наука, 1974. – С. 9-116; Кусков В. В. Характер средневекового мирозерцания и система жанров древнерусской литературы XI – первой пол. XIII в. //Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 1981. – М., 1981. – № 1. – С. 3-12; Хусаинов Г. Б. Башкирская литература XI-XVIII вв. Учебн. пособ. для вузов. – Уфа: Гилем. 1996; Стенник Ю. В. Системы жанров в историко-литературном процессе //Историко-литературный процесс. Проблемы и методы изучения. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. – С. 168-202; Хамраев М. К. Основы тюркского стихосложения: На материале уйгурской классической и современной поэзии. – Алма-Ата: Изд-во АН Каз ССР, 1963; Крачковский И. Ю. Избр. соч.: В 6 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – Т. 4. Арабская географическая литература; Творогов О.В. Литература Древней Руси: Пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1981; Гуревич А. Я. История и сага. – М.: Наука, 1972; Гибб Х. А. Р. Арабская литература. Классический период: Мусульманская историография /Пер. П. А. Грязневича. – М.: Изд-во вост. лит., 1960; Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос: Изб. труды. – Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1974; Стеблин-Каменский М. И. Историческая поэтика. – Л.: Изд-во ЛГУ 1978; Харисов А. И. Литературное наследие башкирского народа. XVIII-XIX века; Баимов Р. Н. Великие лики и литературные памятники Востока. – Уфа: Гилем, 2005; Кунафин Г. С. Башкирская литературная песенная поэзия XIX – начала XX веков. Проблемы формирования и развития жанровой системы. – Уфа: Изд-во БашГУ, 1997 и др.

Научная новизна работы. Данный научный труд – первый в башкирском литературоведении и тюркологии опыт, нацеленный на разностороннее изучения историко-функциональных жанров тюркско-башкирской литературы XVI – начала XX веков. Конкретная новизна исследования определяется следующими показателями:

- впервые в национальном литературоведении на богатом теоретическом и фактическом материале раскрыта сущность функциональности средневековых литературных жанров, неразрывно связанных с жизненным укладом патриархально-феодального общества;

- введены в научный оборот тексты более десятка арабграфических рукописных историко-литературных источников, хранящихся в архивах и библиотечных фондах страны, в том числе городов Уфы, Казани и Санкт-Петербурга;

- в башкирском литературоведении бытование в прошлом системы историко-функциональных жанров как объект специального научного изучения поставлено впервые;

- на основе вновь найденных источников дана более углубленная характеристика жанра родословия – шежере, выявлены его доселе неизвестные разновидности, определены ряд художественно-стилевых особенностей;

- впервые освещена история зарождения жанра таварих в тюркоязычных литературах Урало-Поволжья, раскрыты его генетические и типологические общности с отдельными жанрами средневековой литературы, а также связи с местным фольклором и родословными записями;

- на конкретном материале продемонстрировано бытование в прошлом жанра тарихнаме в тюркско-башкирской литературе, охарактеризованы его основные жанровые признаки и границы, определено отношение к жанрам шежере и таварих;

– проведен общий обзор сохранившихся до наших дней башкирских арабиграфических исторических сочинений конца XIX – начала XX веков и на этой основе установлены время и основные причины трансформации историко-функциональных жанров;

– исходя из результатов сравнительно-сопоставительного изучения определены место и роль традиционных историко-литературных произведений в становлении и развитии башкирской исторической прозы.

Диссертация расширит представления читателей о жанровой системе традиционной тюркско-башкирской литературы XVI – начала XX столетий, в частности, об историко-функциональных жанрах, об особенностях исторического мышления народа в былые времена, о связях местной литературы с другими литературами Востока и Запада.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Историко-функциональные жанры занимали особое место в системе жанров средневековой литературы. Они возникли из потребности отражать прошлое. В силу синкретичности общественного сознания в произведениях этих жанров в нерасчлененном виде сосуществовали элементы многих областей познания, в том числе искусства слова.

2. Шежере (родословие) – один из древнейших жанров башкирской литературы. Большинство нарративных шежере тесно связано с фольклором, содержит элементы художественности. Их стиль характеризуется краткостью и выразительностью, зависит от формы повествования.

3. Жанр таварих возник в тюркских литературах Урало-Поволжья в XVI–XVII веках. Он имеет некоторые общие качества с русскими летописями и хрониками, с исландскими королевскими сагами, но генетически связан с историко-литературными памятниками средневекового Востока. «Чингизнаме» – лучший образец произведений этого жанра.

4. В прошлом на стыке шежере и таварих сформировался, бытовал и жанр тарихнаме. В нем, как и в средневековых всемирных хрониках,

повествование начинается с общечеловеческой истории, связанной с мифологическими сюжетами из Библии и Корана. Заключительная часть тарихнаме идентична нарративным шежере.

5. В конце XIX – начале XX веков в башкирской литературе историко-функциональные жанры испытывают процесс трансформации и прекращают бытование в прежнем виде. Историческая наука и историческая проза начинают развиваться как отдельные области познания.

Научно-теоретическое и практическое значение исследования. Материалы и основные его положения могут быть использованы при изучении истории башкирской литературы в вузах, средних школах и средних специальных учебных заведениях, в написании учебников и учебно-методических пособий. Практическая ценность работы заключается также в возможности использования ее фактического материала и теоретических выводов при создании научных работ, в вузовских лекционных курсах и на семинарских занятиях по жанровой системе башкирской литературы.

Апробация работы. Проблемы исследуемой темы освещались в докладах и выступлениях на международных, всероссийских, региональных и республиканских научно-практических конференциях и симпозиумах, в том числе «Прошлое и настоящее башкирской письменной культуры и языка» (Уфа, 1988), «Проблемы духовной культуры тюркских народов СССР» (Уфа, 1991), «История края и судьбы людей» (Уфа, 1994), «IV Международный конгресс тюркологов» (Уфа, 1997), «VI Международная тюркологическая конференция» (г. Бурса Турецкой Республики, 1998), «Уникальные рукописные книги из фондов библиотек стран-членов ТЮРКСОЙ» (Уфа, 1999), «Археография Южного Урала: исторические источники и современные методы» (Уфа, 2001), «Творчество М. Уметбаева и духовная культура Башкортостана XIX–XX веков» (Уфа, 2001), «Археография Южного Урала. Вторая межрегиональная научная

конференция» (Уфа, 2002), «Актуальные проблемы башкирского эпосоведения» (Уфа, 2002), «Межкультурный диалог на евразийском пространстве» (Уфа, 2002), «Археография Южного Урала. Третья Межрегиональная научная конференция» (Уфа, 2003), «Литература Урала: история и современность. Первая Всероссийская научная конференция» (Екатеринбург, 2005). «Литература Урала: проблема региональной идентичности и развитие художественной традиции. Вторая Всероссийская научная конференция» (Екатеринбург, 2006), «... По уму в своей стране ты будешь знаться». Межрегиональная научная конференция, посвященная 175-летию со дня рождения М.Акмуллы. (Уфа, 2006), «Башкирская духовная культура древности и средневековья, проблемы изучения. Всероссийская научная конференция, посвященная 70-летию Р.Н.Баимова» (Уфа, 2007), «Литература Урала: локальные тексты и типы региональных нарративов. Четвертая Всероссийская научная конференция» (Екатеринбург, 2008), «Литература Урала. Национальные образы мира в региональной проекции. Пятая Всероссийская научная конференция» (Екатеринбург, 2009). Результаты исследования апробированы на совещаниях преподавателей, краеведов и архивистов республики, организованных Министерством народного образования Башкортостана и Башкирским республиканским отделением Российского общества историков-архивистов. В последние несколько лет в Башкирском государственном университете соискателем ведется лекционный курс «Жанровая природа башкирских исторических сочинений XVI – начала XX веков».

Основное содержание и выводы диссертации отражены в 53 публикациях общим объемом 67 авторских листов, в том числе в 7 статьях, опубликованных в рекомендованных изданиях ВАК, а также в 3 монографиях и 4 учебниках, подготовленных в соавторстве с другими исследователями.

Диссертация обсуждена на заседаниях отдела литературоведения Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН и кафедры башкирской литературы и фольклора факультета башкирской филологии и журналистики Башгосуниверситета и рекомендована к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, библиографии и приложения в виде ксерокопий фрагментов отдельных первоисточников.

Основное содержание диссертации

Во **введении** ставится проблема исследования, обосновывается ее актуальность, делается обзор имеющейся по теме диссертации литературы, определяется состояние ее научной разработанности, указываются цели и задачи, материал исследования и источники, методология и методика изучения, научная новизна, вынесенные на защиту положения, практическая значимость, апробация работы.

Первая глава «Функциональность как жанровое явление средневековой литературы» носит обзорно-теоретический характер. Здесь вначале вкратце раскрывается значение термина «средневековье» применительно к истории башкирской литературы. Далее на основе углубленного анализа жанровой системы средневековой литературы и рассмотрения научных работ, посвященных ей, раскрываются своеобразие и отличительные особенности ранних жанровых форм, а также определяется степень изученности функциональных жанров башкирской литературы.

Художественная литература, как и все другие виды искусства, имеет свою собственную систему жанров. Эта система не консервативна и не неизменна. Она постоянно развивается, подвергается различным изменениям, преобразованиям. Каждому этапу развития литературы соот-

ветствует определенный тип жанров, на одном этапе доминирующее положение могут занимать одни жанры, а на другом – другие.

Исследователи, как отечественные, так и зарубежные, указывают на наличие существенного различия между литературными жанрами средневековья и современности. По их мнению, в средние века, в отличие от нового времени, в центре системы литературы находились жанры сугубо функциональные, т.е. имеющие большую обрядовую и деловую предназначенность. Например Б. Л. Рифтин пишет, что именно функциональные олицетворяли собой основные жанры, а жанры с ослабленной функциональностью или без нее существовали на самой периферии, а то и вовсе за пределами официально признаваемой средневековыми теоретиками системы литературы¹. Подобные мысли высказаны также в работах Д. С. Лихачева, О. В. Творогова, Ю. В. Стенника, В. В. Кускова, Г. Б. Хусаинова и некоторых других литературоведов.

Естественно, ученые не ограничивались одной лишь констатацией, упоминанием функциональности как жанрового явления средневековой литературы. Они стремились проникнуть в самую суть этого явления, раскрыть причины его возникновения, выявить те социальные корни, условия, которые питали и стимулировали его существование, определить место и роль каждого функционального жанра в литературном процессе. Некоторые из них задавались целью рассмотреть и такие проблемы, как общность и своеобразие функциональных жанров, их генетические и типологические связи, отношение к другим жанрам письменной литературы, фольклору и т.п.

На наш взгляд, явление функциональности наиболее глубоко и разносторонне исследовал академик Д. С. Лихачев. В его трудах можно найти ответы на многие вопросы, связанные с этим явлением. Хотя речь он ведет исключительно о древнерусской и иногда древнеславянской лите-

¹ Рифтин Б. Л. Типология и взаимосвязи средневековых литератур. с. 13.

ратурах, выводы и обобщения его в большинстве случаев касаются древней и средневековой литературы вообще.

В своих публикациях Д. С. Лихачев часто указывает на обусловленность литературных жанров средневековья от социальной сферы, жанры возникали не только как разновидности художественного творчества, но и как определенные явления жизненного уклада, быта народа в самом широком смысле слова.

Немаловажное значение для литературоведения имеет также выдвинутое академиком положение о различиях, своеобразиях средневековых жанров. Исходя из своих изысканий, он утверждает, что жанры средневековой литературы отличаются друг от друга главным образом по тому, для чего предназначены, т.е. по своим функциональным качествам. Границы между ними очень зыбкие и нечеткие. Эти жанры при всей своей многочисленности находятся в своеобразном иерархическом подчинении друг у друга: есть жанры главные и второстепенные, жанры, объединяющие другие произведения и входящие в состав этих больших объединений¹.

В научных исследованиях последних лет немалое место отводится анализу взаимосвязей и взаимоотношений жанров письменной литературы и устного народного творчества. И это не случайно. Литература в своем развитии, особенно в средние века, тесно связана с фольклором, фольклорными традициями. Она постоянно питалась им, присваивала не только мотивы и сюжеты, но и отдельные жанры и жанровые формы. В результате некоторые жанры становились общими для литературы и фольклора. В первом томе многотомной «Истории башкирской литературы» (Уфа, 1990) таковыми называются дастан, кисса, риваят, хикаят, васыятнаме, насихат, хикмет и другие жанры. Авторы этого фундамен-

¹ Лихачев Д. С. Избранные работы: В 3 т. – Л.: Худож. лит., 1987. – Т.1. Развитие русской литературы X-XVII веков. Поэтика древнерусской литературы. – С. 321-326.

тального труда подчеркивают также, что в прошлом у башкир на стыке письменной литературы и фольклора бытовала и изустная литература.

Следует отметить, что из функциональных жанров средневековых литератур наиболее полно и подробно изучены русские летописи, хроники и хронографы. В литературоведческом аспекте довольно глубоко исследованы также исландские саги, арабские хитаты и мирабилии.

К настоящему времени определенные успехи достигнуты и в изучении функциональных жанров средневековых тюркских литератур. Например, древнейший жанр муназаре весьма подробно анализирован узбекскими литературоведами. Хороший образец анализа средневековых тюркских путевых записей продемонстрировала в своей статье «Сефаретнаме как жанровая форма турецкой литературы XVIII в.» Е. И. Маштакова, опубликованной в книге «Тюркологический сборник. 1973» (М., 1975. С. 214–222).

К средневековым функциональным жанрам в разные годы обращались и башкирские литературоведы. Некоторые выводы и обобщения относительно жанров хаджнаме, мадхия и марсия, к примеру, можно найти в книге А. И. Харисова «Литературное наследие башкирского народа. XVIII–XIX века» (Уфа, 1973). В 1970–1980-х годах функциональные жанры башкирской литературы активно изучал Г. Б. Хусаинов. Им даны весьма подробные характеристики жанров хикаят, кисса, шежере, шикаятнаме, гарызнаме, хикмет, насихат и другие¹. Ученый рассматривает эти жанры в единой системе со всеми другими жанрами письменной литературы. Р. Н. Баимовым на фоне жанров средневековой восточной поэзии разносторонне анализированы касыда, робаги (рубай), газель и маснави². Особенности функционального жанра хитап нашли отражение в работах В. И. Ахмадиева и

¹ См.: Хусаинов Г. Система традиционных жанров в башкирской литературе // Система жанров в башкирской литературе. – Уфа: Изд-во БФАН СССР, 1980. – С. 5–25 (на башк. яз.).

² Баимов Р. Н. Великие лики и литературные памятники Востока. с. 16–21.

А. Х. Вильданова¹. Последний высказывал свои суждения и относительно жанров касыда, мадхия и марсия. Р. З. Шакуров выявил и раскрыл некоторые особенности жанра путевых записей – саяхатнаме². Очень популярная в башкирской литературе XVIII–XIX веков рисала довольно подробно исследована З. Я. Шариповой³. В последние годы функциональные жанры национальной поэзии были объектом внимания Г. С. Кунафина. Применительно к литературным памятникам XIX – начала XX веков он предложил новую классификацию поэтических жанров и дал широкую характеристику таким жанрам, как мактуб, васыятнаме, пародия, эпиграмма и другие⁴. В работах же автора этих строк в определенной мере нашли отражение особенности жанра таварих.

Как видно, в башкирском литературоведении накоплен немалый опыт в изучении средневековых функциональных жанров. В настоящее время перед учеными стоит проблема углубления и расширения начатых исследований и создания обобщающих теоретических работ в данной области. Полная и всесторонняя характеристика жанровой системы, которая предполагает привлечения всех имеющихся источников и применения самых разных методов и приемов научного анализа, помогла бы еще глубже заглянуть в литературный мир средневековья и осветить многие доселе неизвестные стороны истории национального словесного искусства.

Во второй главе, именуемой «Шежере в системе литературных жанров», освещается история возникновения родословных записей, да-

¹ Ахмадиев В. Хитапы в башкирской поэзии // Учитель Башкирии. 1970. – № 7. – С. 42–46 (на башк. яз.); Вильданов А. Некоторые жанровые особенности просветительской поэзии // Система жанров в башкирской литературе. – Уфа: Изд-во БФАН СССР, 1980. – С. 73–78 (на башк. яз.).

² Шакуров Р.З. Путевые записи // История башкирской литературы, в 6 т. - Уфа: Башкнигиздат, 1990. – Т. 1. Средневековый период. – С. 415–425 (на башк. яз.).

³ Шарипова З. Я. Пером и словом. - Уфа: Китап, 1993.

⁴ Кунафин Г. С. Башкирская сатирическая поэзия XIX – начала XX веков. Проблемы формирования и развития жанровых форм. – Уфа: Изд-во БашГУ, 1996.

ется их классификация и анализируются лучшие образцы дошедших до наших дней эстетически значимых шежере. Ряд источников вводится в научный оборот впервые.

Отмечается, что в древности у многих народов и племен бытовала традиция составлять и в устной или письменной форме передавать от поколения к поколению генеалогию родоплеменной знати и правителей. Она была широко распространена и у древних тюрков. Об этом ярко свидетельствуют самые ранние из ныне известных письменных памятников – орхоно-енисейские эпитафии, датируемые V–VIII веками н.э. Для примера можно назвать рунические надписи на надгробных камнях и стелах в честь Эльтерес-кагана, Кюль-Тегина и других родовых вождей. В них генеалогия и история излагается в повествовательной, эмоционально окрашенной форме¹.

В работах А. З. Валиди-Тогана, Р. Г. Кузеева, Ф. Г. Хисамитдиновой и некоторых других исследователей констатируется, что в орхоно-енисейских памятниках зафиксированы отдельные роды и племена, которые позднее участвовали в формировании башкирского этноса; что буквы рунического алфавита во многом напоминают башкирские родовые тамги, что присутствует ряд общностей между языком древнетюркских эпитафий и средним, караидельским говорами башкирского языка; что тематика и сюжеты рунических текстов в определенной степени находят отражение в древних башкирских легендах, песнях и кубаирах. Это значит, что культура башкир, как и многих других тюркских народов, прямо или косвенно связана с орхоно-енисейскими эпитафиями.

М. Уметбаев, позднее и Р. Г. Кузеев писали, что у башкир издавна существовала традиция составлять генеалогию своих предков. Это было

¹ См.: Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – С. 36–42. Он же. Памятники древнетюркской письменной Монголии и Киргизии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 8–10.

необходимостью, продиктованной обычаями патриархально-родовых отношений, каждый член рода должен был знать имена своих предков до 10–15 колена¹.

После принятия ислама и вслед за ним арабского письма генеалогические записи у башкир стали называться арабским словом «шежере» (шәжәрә), что в дословном переводе на русский язык означает «дерево», в смысловом же переводе – «родословное» или «родословие». В виде синонимов слова «шежере» башкиры в своей письменной практике часто употребляли также слова «насабнаме» (нәсәбнамә), «насапхат» (нәсәпхат), «силсила» (силсилә) и «тайра». Тем не менее в большинстве случаев употреблялось «шежере». Это слово ныне прочно утвердилось как в языке народа, так и в научной литературе.

Башкирские шежере в числе многих других письменных памятников подвергались тяжелым испытаниям времени. Особенно варварски обращались с ними в первые десятилетия советской власти, когда все прошлое, старинное огульно отрицалось, критиковалось и разрушалось. До наших дней дошло около 150 башкирских шежере. В настоящее время они хранятся в архивах и библиотечных фондах Уфы, Оренбурга, Казани и Санкт-Петербурга, а также в частных коллекциях.

По формальным, внешним признакам башкирские шежере делятся на два основных вида: номинальные и нарративные. Первый вид представляет из себя список мужских имен в форме таблицы или текста, расположенных в хронологической последовательности по разным направлениям (иногда по одной линии) и исходящих (или восходящих) из одного общего корня. Второй вид, обычно, также имеет разветвленную цепь имен, но в нем, в отличие от первого вида, содержатся еще и повествовательные тексты.

¹ Уметбаев М. Башкиры // Архив географического общества России. Разряд 53. – Оп.1. – Ед.хр.1. – Л.2; Башкирские шежере / Составление, перевод текстов, введение и комментарии Р. Г. Кузеева. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1960. – С. 8.

Внимание литературоведов, естественно, привлекает второй вид, т. е. нарративные шежере. Ибо некоторые из них представляют ценность не только как исторические и лингвистические источники, но и как своеобразные памятники художественной литературы.

Одним из древнейших сохранившихся башкирских шежере считается шежере рода Юрматы. Оно записано во второй половине XVI века из уст родоначальника юрматинцев – Тетегеч-бея, затем переписано в XIX столетии.

Начальные строки данного памятника состоят главным образом из древних мифов, легенд и преданий. Они написаны живым, эмоциональным языком и придают сочинению художественно-эстетическую окраску. Основная часть рукописи характеризуется более объективным, достоверным изложением событий. Здесь повествовательный текст часто чередуется монологами, диалогами; приводятся даты, географические названия. В последних строках особое внимание уделяется описанию истории принятия юрматинцами российского подданства, освещению взаимоотношений между башкирами и русским царем, определению границ занимаемых юрматинскими родами земель. Однако и в этой части дают о себе знать элементы художественности и образности.

Шежере карагай-кипчакского рода также относится к числу древнейших. По определению Р. Г. Кузеева, его начальная часть, в которой отражены взаимоотношения кипчаков и бурзян, хранит следы XIV–XV веков. Данное шежере интересно главным образом тем, что содержит в себе мотивы увлекательнейшего башкирского народного эпоса «Кусяк-бей». Но, в отличие от эпоса, здесь события изложены более реалистично и правдоподобно. Похоже, что сюжет был основан на объективных исторических фактах, и герои, видимо, были реальными личностями. Г. Б. Хусаинов полагает, что Бабсак, Каракулумбет, Кусяк-бей и события, связанные с ними, первоначально были упомянуты в шежере, затем все

это, приобретя полуполюгендарный характер, воплотились в форму эпоса. Налицо взаимосвязь и взаимовлияние письменной литературы и фольклора¹.

В числе самых старинных можно назвать и повествовательное шежере башкир рода Мин (башк.: Мең). Композиционно оно делится на 2 части, которые были составлены в разное время. В первой части описываются события, предшествующие присоединению Башкирии к Русскому государству. Составлена она, как полагает Р. Г. Кузеев, не позднее конца XVI – начала XVII столетий. Вторая же часть, являющаяся фактически пересказом содержания раздельной грамоты, пожалованной царем Алексеем Михайловичем минским башкирам в 1671 году, написана во второй половине XVII века.

В художественно-эстетическом отношении более ценной является первая, начальная часть шежере. Генеалогия имен здесь чередуется сюжетными повествованиями, монологами, диалогами и эмоционально-экспрессивными описаниями отдельных событий. Яркий пример тому эпизод, связанный с взаимоотношениями родоначальников Казанфарибя и Каракилмета.

Интересно заметить, что некоторые списки башкирских шежере составлялись известными писателями и учеными. Например, Т. Ялсыгулом было написано шежере айлинских, М. Уметбаевым – юмран-табынских, Г. Сокрыем и Г. Кииковым – ирактинских (кара-табынских) башкир.

Свою родословную Г. Сокрый (1826–1889) написал в нескольких вариантах, которые дошли до наших дней как в рукописном, так и в печатном виде. Из этих вариантов наибольший интерес представляют две рукописи, хранящиеся в Научной библиотеке Казанского государственного

¹ См.: Хусанов Г. Б. Шежере как историко-литературный памятник // Башкирские шежере: Филологические исследования и публикации. – Уфа: Изд-во БФАН СССР, 1985. – С. 11–12.

университета¹. Один из них носит прозаический, другой – поэтический характер.

Прозаический вариант назван «Тазкиратен ал-ахуан ва ал-ахбаб» («Воспоминания родных и близких») и состоит из 12-и рукописных листов. Здесь в начале дана генеалогия предков Г. Сокрыя до имени легендарного вождя табынцев Майкы-бея. Далее следует подробное и увлекательное повествование о том, как предки ирактинских башкир в старину жили на долинах Тобола и Иртыша, затем переселились на долину Миасса и, после долгих поисков лучших земель, обосновались на обширной территории «будущих Пермской, Мензелинской и Бирской областей». В сочинении приводятся интересные сведения об образе жизни и быте древних башкир, их взаимоотношениях с казанским ханством и присоединении северо-западной Башкирии к Русскому государству. Автор довольно подробно описывает и колониальную политику царского самодержавия в крае.

Надо сказать, в художественно-эстетическом отношении определенную ценность имеют также шежере айлинского, тамьянского, юмрантабынского, усерганского, мамбетского, бурзянского и некоторых других башкирских родов и племен. Все они характеризуются повествовательностью и сюжетностью. События и явления прошлого изложены в них живым, эмоционально окрашенным языком.

Сравнительно-сопоставительный анализ показывает, что структура башкирских нарративных шежере подчинялась определенным нормам и канонам. Большинство родословных записей состоит из 2-х частей: введения и основной части. Во введении обычно дается название рода (племени) и вкратце излагается какая-либо древняя легенда или миф, которая служит своего рода доказательством древности, благородности

¹ Восточный сектор отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки КГУ. – Ед. хр. 684 т., 632 т.

генеалогического древа. Основная же часть представляет из себя хронологию имен по мужской линии, местами переплетающуюся с описанием наиболее важных исторических событий и явлений, связанных с жизнью и деятельностью той или иной личности. Здесь, в отличие от вводной части, повествование приобретает более реалистический, достоверный характер. Составители шежере чаще оперируют датами, географическими названиями и сведениями из документальных источников.

Следует подчеркнуть, что заключения как такового в шежере обычно не бывает. Ибо этот жанр предполагает продолжение, дополнение текста последующими поколениями.

В работах Г. Б. Хусаинова отмечается, что для шежере характерен свой специфический стиль. Он всегда сжат и экспрессивен. Его своеобразие прочно связано с двумя основными органически сочетающимися источниками: письменной литературой и устным народным творчеством. В описании древности в шежере используются мифы, легенды и предания, позднее – рассказы, при необходимости же приводятся данные из документов. Особенности стиля каждого структурного компонента, стилистические трафареты превращают составляющие шежере в обязательные, устоявшиеся элементы стиля или литературный этикет.

Ярким примером стилистических трафаретов могут служить фразы типа «знайте» («белең», «белеңез»), «должны знать» («белеү тейеш»), «да будет известно» («мәғлүм булсын»). Они часто встречаются в родословных записях и, как правило, предваряют наиболее важные и ценные сообщения, описания крупных, значительных событий и явлений из истории рода или племени.

Своеобразие стиля отдельных башкирских шежере напрямую связано с тем, что в них прозаический текст местами чередуется со стихотворным. Включенные в рукописи поэтические строки в большинстве случаев имеют фольклорное происхождение и отличаются простотой,

общедоступностью языка. Это наглядно видно в родословных записях мамбетского, тамьян-катайского, усерганского родов и племен.

Небольшой отрывок из мамбетского шежере: «Кочевья наши прекратились к 14-му, 15-му годам. В результате у деревенского башкира не осталось земли; раз не осталось земли, то кончился скот; раз кончился скот – разорвалась душа башкира, он лишился достоинства, потерял уважение. Мы стали свидетелями верности выражения «У кого больше земли – у того страна богаче». Ваша покорная слуга (по этому поводу) скажет:

Не продавайте землю, башкиры,
Лучше земли богатства нет.
Все растет и исходит из земли,
У нас же ей почета нет»¹.

Нетрудно заметить, что самые сокровенные мысли и чувства составителя относительно проблемы башкирских земель выражены в стихотворных строках.

Поэтические же строки, включенные в одну из полных версий шежере рода Усерган, по своему внешнему строению и формальным признакам напоминают кубаира – эпического жанра башкирского фольклора. Эти строки, состоящие в основном из 7-и слогов, рифмуются в строках либо по схеме: а-а-б-а, либо по схеме а-а-а-а:

Хак тәғәлә көдрәте,
Мәзкүр итәмен аны,
Илебездә булған эш –
Сыңғыз хандың заманы.
Башкортлардан бабаһы –
Бей Туксаба балаһы.

¹ Шежере рода Мамбет // Башкирские шежере: Филологические исследования и публикации. – Уфа: Изд-во БФАН СССР, 1985. – С. 144–145 (на башк. яз.).

Муйтэн тибез без аны.

Хак яратмыштан аны...¹

Одна из версий усерганского шежере целиком написана в поэтической форме, точнее, в форме кубaira. Здесь нет полного генеалогического перечня имен, присущего прозаическим и смешанным текстам родословия. Имена потомков Муйтэн-бея сопровождаются небольшими, но меткими характеристиками:

Сын Муйтена – Усерган,

Его род был многолюден.

В то время четыре волости

Назывались усерганскими.

Сын Усергана – Шигали,

Попона его лошади

Из отличного сукна.

Умирая, свой род

Благословил он

Святой молитвой...².

Однако не всем поется хвала в шежере. Об отдельных представителях рода говорится с едким сарказмом и иронией:

Его сын – Уралбай,

Обед у него обильный,

Тело его жирное,

Если он ляжет, то не может встать...

Его сын – Казаксал,

На спине его было четверть аршина жира...

¹ Башкирские шежере: Филологические исследования и публикации. – Уфа: Изд-во БФАН СССР. 1985. – С. 56–57 (на башк. яз.).

² Башкирские шежере / Составление, перевод текстов, введение и комментарии Р. Г. Кузеева. – Уфа: Башкнигоиздат, 1960. – С. 82.

Изложение родословия в форме кубаира, видимо, издревле было популярным у башкир. Слово «кубаир» (башк.: кобайыр) в смысловом плане переводится как «песня о богатырях». Произведения этого жанра строились в основном на прославлении той или иной личности, народа. Составители шежере, как известно, также не лишены стремления возвеличивать свой род, своих предков.

Родословия в форме кубаира встречаются и в памятниках устно-поэтического творчества. Яркий пример тому – «Баит Киньякая», созданный в конце XVIII века вслед за народными восстанием 1773–1775 годов.

Упомянутое выше поэтическое шежере ирактинских башкир, составленное Г. Сокрыем (ед. хр. 632 т.), представляет интерес в том плане, что написано в строфической форме мурабба, которая была весьма популярна в средневековой восточной поэзии. Оно состоит из четырех-строчных строф, зарифмованных по схеме: а-а-а-б, в-в-в-б, г-г-г-б и т.д. Причем все строки имеют по восемь слогов.

В данном шежере генеалогия имен еще более краткая. Составитель больше внимания уделяет описанию событий из прошлого ирактинцев:

...Предки мои проживали (в древности)

На долинах Тобола, Иртыша.

Какой религии придерживались – арцев или черемисов,

Никто не знает, мой дорогой.

Один из них был очень мудрым,

Вышел странствовать с бодрой душой.

Нашел много земли, оставил (богатое) наследие.

Когда ушел из жизни, мой дорогой...

Г. Сокрый довольно подробно освещает взаимоотношения соседствующих башкирских родов и в конце произведения призывает всех жить в дружбе и согласии «как одна семья».

Таким образом, есть основание утверждать, что у башкир поэтическое описание истории рода (племени) опиралось на традиции как устного народного творчества, так и письменной литературы. Но в связи с тем, что родословные записи обычно составлялись не единичными авторами, а представителями нескольких поколений, предпочтение отдавалось общеизвестным и близким к простому народу традициям устно-поэтического творчества. И поэтому, наверное, шежере, написанное в форме кубаира, воспринимается как классический образец стихотворного изложения истории предков. Оно по всем признакам соответствует традиционному повествовательному шежере. Тогда как сочинение Г. Сокрыя стоит несколько особняком, ему больше присущи признаки произведений письменной поэзии, индивидуализм языка и стиля.

Поэтическое изложение родословия – явление неординарное в истории мировой культуры. В прошлом оно имело место лишь в творчестве отдельных народов. Рассмотренные стихотворные шежере свидетельствуют о том, что в минувшие века башкиры обладали большим опытом и мастерством в описании истории своих предков.

Третья глава «Синкретичность и полижанровость формы таварих» соответственно посвящена освещению истории формирования и развития названного жанра в тюркско-башкирской литературе прошлых веков. Здесь в литературно-художественном и жанровом плане разносторонне анализируется несколько больших исторических сочинений XVI–XIX веков, в том числе рукопись Г. Сокрыя, введенная в научный оборот автором этих строк.

Отмечается, что зарождение и становление жанра таварих в тюркско-башкирской литературе происходило в прямой зависимости от межлитературных контактов, региональной историографической традиции и местных условий литературно-художественной культуры. Этот жанр, возникший первоначально в средневековых персидской и арабской ли-

тературах, проник и утвердился в тюркско-башкирской литературе, подобно многим другим восточным традиционным жанрам, после принятия башкирами мусульманской религии. На новой культурной почве он обогатился национальными особенностями и традициями местной литературы.

Трансплантация (термин Д. С. Лихачева) этого жанра из восточных классических литератур в башкирскую была вызвана определенными социально-историческими и культурными факторами. В XIII – первой половине XVI века происходит усиленный процесс консолидации башкирских племен и образования единой народности¹. В этот период башкиры начинают интересоваться историей не только своего рода или племени, но и всего родоплеменного объединения, народа и даже целого региона. Шежере уже не могут полностью удовлетворить их возросшую духовную потребность, возникает необходимость создания таких сочинений, которые охватили бы историю более крупных этнических общностей и союзов, а также жизнь и деятельность широко известных исторических личностей.

Данный период по времени совпадает с зарождением тюркской переводной исторической литературы. В XVI – начале XVII веков в Средней Азии и Урало-Поволжье создаются сочинения «Таварих-и гузида – Нусратнаме» («Избранные истории – Книга побед») неизвестного автора, «Чингизнаме» Утемиша-хаджи, «Джамиг ат-таварих» («Сборник историй») К. Джалаири, являющиеся по сути выборочными переводами трудов таких известных восточных историков как Рашид-ад-дин, Шами, Джувейни и Казвини.

Позднее на этой благоприятной почве начинают появляться собственно тюркские таварихи, которые в какой-то степени напоминают рус-

¹ См.: Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа (этнический состав, история расселения). – М.: Наука, 1974. – С. 502–504.

ских летописей, хроник и исландских королевских саг, но больше проявляют в себе признаки историко-литературных памятников средневекового Востока и местных шежере.

В прошлые века широкое распространение среди тюркоязычных народов Урало-Поволжья получило сочинение неизвестного автора «Чингизнаме» (или «Дафтар-и Чингизнаме»). Первоначальный вариант его был написан предположительно в конце XVI – начале XVII столетий. Об этом свидетельствуют имеющиеся в тексте народные предания и легенды эпохи Золотой Орды. Окончательно же сочинение было оформлено в конце XVII века, ибо самое позднее событие, упомянутое в нем, это башкирское восстание 1681–1683 годов.

Определенный вклад в изучении анонимного «Чингизнаме» внесли Г. Рахим, А. Инан, М. А. Усманов и Г. Б. Хусаинов.

Сочинение состоит из введения и шести глав. Введение связано лишь с первой и в очень незначительной степени второй главами. В нем приводится генеалогия предков и потомков Чингиз-хана.

В первой главе повествуется о чудесном рождении Чингиза и его приходе к власти. Однако все события происходят на Южном Урале и одними из главных героев выступают башкирские родоначальники Уйшын Майкы-бей, Юрматы-бей, Кипчак-бей, Тамьян-бей, Муйтен-бей и др. Сюжет главы весьма своеобразен и интересен. Ханская дочь Гуламалик, забеременев от солнечного луча, рождает сына, жена которого Алангуа после смерти мужа также с божьей помощью рождает Чингиза. Последний, взрослев, становится правителем и любимцем народа. Однако из-за вражды завистливых братьев вынужден скрыться у горно-степных казахов. Главы родов после долгих поисков находят его и уговаривают возвратиться на родину. Снова заняв престол, Чингиз-хан дарует беям родовые атрибуты: дерево, птицу, клич и тамгу.

Начало главы в определенной мере перекликается со старинным монгольским манускриптом «Юань чао би ши» («Сокровенное сказание»), в котором также красочно описывается эпизод чудесного рождения Чингиза. Этот эпизод и событие, связанные с дарованием родовых атрибутов, делает анонимное сочинение созвучным «Джамиг аттаварих» («Сборник историй») Рашид-ад-дина, по-другому именованному «Чингизнаме». Обнаруживаются некоторые общие мотивы и с книгой «Тарих-и джихангуш» («История мирозавоевателя») Джувейни, а также с «Шежере-и тюрк» («Родословие тюрков») Абулгази.

Здесь можно найти много общего и с башкирскими родословными записями, в том числе с шежере усерганских и табынских башкир. Но наиболее тесно данная глава связана с башкирским фольклором. К примеру, завещание аксакалов Буданатая и Белгутая по своему содержанию и стилю напоминают дидактические кубаиры «Хорошая жена и плохая жена», «Хороший человек и плохой человек», «Верное слово», «Слово йырау», «Похвала» и др. Сюжет главы частично отражен в преданиях «Племя тангауров» и «Бурзяне в ханские времена».

О широком распространении среди башкир легенд и преданий о Чингиз-хане писали в свое время В. И. Даль и Д. Н. Соколов. В. И. Даль, к примеру, отмечает, что «в сказках и песнях их поминают родоначальником дивного Чингис-хана, коего предок рожден девственницей от наития солнечного луча, а сам он, Чингис, вдовою Алангу, которую также посетил луч солнца и возвратился от нее серым волком с конскою гривой. Народ башкурт разделился с незапамятных времен на племена, или, как их называют у нас, на волости: у каждой волости свой уран, отклик, своя тамга, рукоприкладной знак, свое дерево и своя птица, розданные, как верит народ, самим Чингис-ханом»¹.

¹ Даль В.И. Башкирская русалка // Башкирия в русской литературе. Уфа: Башкирское издательство, 1989. – Т.1. – С. 173.

Башкирские легенды и предания о Чингиз-хане дошли до наших дней также через рукописные переводы и публикации А.В.Попова, Р.Г.Игнатьева и П.С.Назарова. Их общий обзор служит дополнительным подтверждением того факта, что в башкирском фольклоре бытовали разные варианты легенд о грозном мирозавоевателе, но все события, изложенные в них, тем или иным образом связаны с Южным Уралом, с историей местных родов и племен.

Вторая глава посвящена легендарному Аксак Тимеру (Хромому Тамерлану) и его деяниям. Повествуется о страшном сне сына Чингиза Джадай-хана, который впоследствии сбывается: Джадай погибает от рук рожденного калеккой Аксак Тимера. Последний через некоторое время становится яростным проповедником и защитником ислама, завоевывает многие города, в том числе Стамбул, Астрахань и Булгар. Он намеревается идти походом и на Москву, однако под Владимиром ему снится Хызыр Ильяс, который от имени Всевышнего велит возвратиться назад, и грозный полководец умирает в Самарканде.

В данной главе также обнаруживаются много параллелей как с письменной литературой, так и с фольклором. Например, с эпизода о сновидении одного из главных героев и его последствиях начинаются многие произведения средневековой восточной литературы, в том числе «Кисса-и Йусуф» («Кисса о Юсуфе») Кул Гали и «Хосров ва Ширин» («Хосров и Ширин») Кутби, являющиеся общими памятниками тюркских литератур Урало-Поволжья. Такое же начало имеет «Кисса-и Бузьегет» («Кисса о Бузьегете»), написанная в середине XIX века в Уфе. Героические события, связанные с борьбой народа против аждахи на долинах Зая, имеют место и в шежере юрматинских башкир. Начало главы во многом повторяет сюжет древней башкирской песенной легенды «Мело-

дия Буягым-хана и ее история». Это отмечали в своих работах С.А.Галин и Г.Б.Хусаинов¹.

Третья глава посвящена сыну Гайсы Амату. По содержанию, жанровой природе и художественно-эстетическим качествам она имеет довольно большое отличие от предыдущих глав «Чингизнаме». В ней сильнее ощутимы традиции устно-поэтического творчества. Здесь повествуется об Амате, который посредством хитрости и интриг женится на ханской дочери, однако впоследствии теряет жену и сына, ставшего из-за безотцовщины свирепым разбойником.

По мнению исследователей, сюжет данной главы восходит к героическому эпосу периода Ногайской орды². Произведение характеризуется обилием изобразительных средств и приемов, присущих башкирским народным эпосам «Кузы-Курпес и Маянхылу», «Кужак и Таргын», «Карас батыр» и другие.

Остальные три главы памятника сравнительно небольшие. В них представлены родословия царей, ханов и перечислены их владения. В шестой главе вкратце описываются некоторые события, происходившие в древнем Булгаре, Казани и повествуется о башкирском восстании конца XVII века. В этих главах сильно ощутимы традиции средневековой восточной агиографической литературы.

На основании того, что «Чингизнаме» во многом связано с башкирским фольклором и шежере, содержит много специфически башкирской лексики, Г. Б. Хусаинов полагает, что его автором был выходец из башкир. При этом он ссылается и на тот факт, что в отдельных востоковед-

¹ Галин С.А. Мотивы башкирского фольклора и шежере в тюркоязычных памятниках XVI–XVII веков // Проблемы взаимосвязи фольклора, литератур и литературных языков народов Приуралья и Поволжья. – Уфа: Изд-во БФАН СССР. 1978. – С. 6–8; Хусаинов Г.Б. Башкирская литература XI–XVIII вв., с. 120.

² См.: Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос: Избранные труды. – 1974. – С. 395; Хусаинов Г.Б. Голос веков, с. 122 (на башк. яз.).

ческих трудах данный таварих назван именно башкирским письменным памятником¹.

Следует также отметить структурно-композиционную схожесть данного сочинения обрамленным повестям средневекового Востока, таким как «Тутинаме», «Бахтиярنامه», «Книга попугая», «Надж ал-фарадис» Махмуда ибн Гали и др.

В прошлом среди тюркского населения Урало-Поволжья было популярным и сочинение «Таварих-и Булгария» («Булгариевы истории») Хисаметдина Муслими, написанное не позднее XVIII века. У населения и поныне бытуют его рукописные и печатные варианты. Оно состоит из введения, основной части, которая делится на две главы и заключительной части. Во введении автор называет себя, дату и место создания сочинения.

Первая глава «Статья о диковинках сотворения» делится в свою очередь на несколько разделов, посвященных описанию и характеристике категории времени, звезд, Земли, ее морей, гор и рек. Многие сообщения Х. Муслими сопровождается небольшими мифами и легендами. Им приведены сведения и по географии Башкирии, упомянуты все крупные реки и их притоки. Наличие разделов по географии и космографии, основанных на традиционных теориях ученых средневекового Востока, уподобляет данную главу произведениям жанра хитат ранней арабской литературы.

Вторая глава «Статья о последователях и последовательницах» открывается популярной легендой о принятии булгарами мусульманской религии, известной среди башкир и татар под названиями «Паралич ханской дочери», «Святой мужчина», «Булгары и башкиры», «Туйбике» и др. Далее в пяти небольших разделах перечисляются имена последователей и последовательниц сподвижников Мухаммеда, указываются места их

¹ Хусаинов Г.Б. Там же, с. 123 (на башк. яз.).

погребений. Эти разделы напоминают собой произведений восточной агиографической литературы. Как отмечает М. А. Усманов, многие из приведенных сведений вымышленные или почерпнуты из башкирских и татарских шежере¹.

Заключительная часть, названная «Последнее слово болгариевого сочинения о нашем господине Сагдетдине ат-Тафтазани», целиком посвящена описанию жизнедеятельности легендарного Аксак Тимера, т. е. «заключением» в обычном понимании ее назвать нельзя. Здесь во многом повторяется сюжет второй главы «Чингизнаме». Однако есть и немало различий. Видимо, анонимный автор и Х. Муслими использовали разные варианты одной и той же легенды, бытовавших в народе в устном виде. Будучи сильно подверженным влиянию исламской идеологии, Х. Муслими видит в Аксак Тимере ревностного поборника и покровителя мусульман, а не жестокого завоевателя и тирана. Присутствие мотива вещего сна и прорицания уподобляет данную часть сочинения многим памятникам башкирского фольклора, в том числе сказкам «Сон лысого», «Полюбивший во сне», «Страна Идель», «Сейфульмулюк» и др.

По сравнению с «Чингизнаме» и башкирскими шежере в «Таварих и Булгария» более ярче выражена жанровая синкретичность. Кроме историографии, в нем отчетливо проступают элементы многих областей человеческого познания, и автор предстает перед читателем одновременно и историком, и географом, и астрономом, и теологом и философом. Поскольку весь этот пестрый и разнообразный материал изложен с использованием художественно-изобразительных средств, Х. Муслими выступает и как писатель. Однако по художественно-эстетическим достоинствам его таварих нельзя ставить в один ряд с «Чингизнаме». Элементы словесного искусства встречаются в нем сравнительно реже.

¹ Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. – Казань: Изд-во КГУ, 1972. – С. 143.

В начале 70-х годов прошлого столетия исследователями было найдено большое рукописное сочинение Г. Сокрыя под названием «Таварих-и Булгария, яки Такриб-и Гари» («Булгариевы истории, или Приближенный комментарий Гари»). Оно написано в последней четверти XIX века и связано едва ли ни со всеми произведениями поэта. В отличие от «Чингизнаме» и «Таварих-и Булгария» Х. Муслими, в данной рукописи содержатся сравнительно больше сведений, соответствующих исторической действительности. К примеру, упомянут приезд в Волжскую Булгарию арабского путешественника Ахмеда ибн Фадлана, приведено много ценных, достоверных сведений из жизни и творчества таких известных башкирских и татарских писателей и ученых, как Х. Салихов, Т. Ялыгул, Г. Усман (Утыз-Имяни), Г. Курсави, Г. Мавляви, Ш. Марджани и др. Тем не менее, в целом и сочинение Г. Сокрыя осталось в рамках традиционных таварихов.

Традиционность «Таварих-и Булгария, яки Такриб-и Гари» дает о себе знать уже в первой главе, где автор выражает свое отношение к популярной легенде «Туйбике». По его мнению, можно критически относиться к содержанию этой легенды, но нельзя отрицать реальность чуда творчества пророка Мухаммеда. Вторая глава, в сущности, является логическим продолжением тех глав анонимного «Чингизнаме» и «Таварих-и Булгария» Х. Муслими, в которых описывается жизнь и деятельность последователей сподвижников пророка. Общая для ранних таварихов касса об Аксак Тимере также включена в данное сочинение. Но Г. Сокрый, в отличие от своих предшественников, резко осуждает деяния и поступки Аксак Тимера, клеймит его позором за захват и разрушение Булгара, уничтожение культурных и исторических ценностей народа. Четвертая и пятая главы воспринимаются как продолжение первой главы тавариха Х. Муслими: они также основаны на традиционных теориях древнегреческих и древнеарабских географов. Шестая и седьмая главы по своей те-

матике и содержанию почти не отличаются от памятников средневековой агиографии.

Г. Сокрый не воспринимает содержание ранних источников вечной истиной и догмой. Он позволяет себе делать «самомышление», пытается взять под критику отдельные положения и сведения книги Х. Муслими. Однако его критика не затрагивает основополагающих принципов и канонов феодальной историографии.

Рукопись Г. Сокрия, как и сочинения его предшественников, содержит много мифов, легенд и преданий, которые занимают, увлекают читателя, дают ему эстетическое наслаждение. События и явления прошлого, географический мир Южного Урала и эпизоды из жизни известных людей изложены живым и образным языком. При этом активно использованы сравнения, народные поговорки, пословицы, назывные и инверсированные предложения, монологи и диалоги.

Общий обзор тюркско-башкирских исторических сочинений прошлых веков показывает, что на стыке жанров шежере и таварих сформировался еще один историко-функциональный жанр – тарихнаме. Четвертая глава, названная «Тарихнаме на фоне историко-функциональных жанров», посвящена данному жанру. Предполагается, что он начал складываться в ту эпоху, когда в башкирском обществе окончательно утвердилась мусульманская вера.

В тарихнаме нарративный текст тесно увязан с генеалогией имен и, как правило, заканчивается описанием событий и явлений, имеющих непосредственное отношение к какому-либо роду или племени. В этом его основное сходство и общность с жанром шежере. Но, в отличие от традиционных шежере, в нем повествование обычно начинается с мировой истории, с мифических и легендарных сюжетов, связанных с «сотворением мира», всемирным потопом, первопредками человечества, пророками, святыми и т. п. В последующих строках авторы переходят к собы-

тиям регионального, зонального масштаба, местами вкратце освещая жизнь и деятельность отдельных исторических личностей. В этой части их сочинения становятся похожими на произведения жанра таварих. Они напоминают последних как в тематическом, так и в композиционном и стилевом отношениях. Однако для них не характерны такие важные свойства таварихов, как многоплановость и полижанровость. К тому же они сравнительно невелики по объему.

Башкирские тарихнаме в своей начальной части имеют определенное сходство со средневековыми восточными «всеобщими историями», первые образцы которых были созданы вскоре после возникновения мусульманства (сочинение ат-Табари «Тарих ар-расул ва ал-мулюк» – «История пророков и царей» и др.). Отдельные мифы и сюжетно-композиционные элементы делают их похожими на средневековые западные, в том числе и русские, исторические хроники, начинающиеся с описания «сотворения мира» и возводящие генеалогии к библейским героям («Повесть временных лет» (XII в.), «Русский хронограф» (XVI в.) и др.).

Одним из сохранившихся до наших дней башкирских исторических сочинений жанра тарихнаме является «Тарихнаме-и булгар» («Историческое сочинение о булгарах») Тажетдина Ялсыгула (1767–1838). Начальные строки этой рукописи целиком выдержаны в духе средневековых «всеобщих историй»: упоминаются имена Адама и Евы, излагается мифический сюжет, связанный со всемирными потопом, и далее начинается последовательное перечисление потомков прародителей человечества. Причем автор не просто называет имена и события, он стремится строить о них сюжетное повествование. Примечательно то, что здесь обнаруживаются некоторые параллели с мифологической частью поэмы «Шахнаме» знаменитого персидского поэта Фирдоуси. В обоих произведениях описываются одни и те же герои и их поступки, это – Каюмирас

(Наюмарс), Хушанк (Хушанг), Тахмурат (Тахмурас), которые упомянуты и в священной книге зороастрийской религии – «Авесте».

От всеобщей истории Т. Ялсыгул постепенно переходит к освещению прошлого тюркских племен. Вернее, к перечислению и описанию тех людей из генеалогии, именами которых названы некоторые тюркские племена и народы. В этой части содержание его рукописи становится более реалистичным, правдоподобным. Встречаются остросюжетные картины, эпизоды приключенческого и трагедийного характера. Автор не обходит стороной и традиционный сюжет о принятии волжскими булгарами исламской религии. Его вариант этой легенды несколько иной, чем вариант Х.Муслими. Видимо, был использован другой фольклорный или литературный источник.

Заключительная часть «Тарихнаме-и булгар» ничем не отличается от обычных повествовательных шежере. Здесь генеалогия имен, сопровождаемая небольшими рассказами и сообщениями, доводится до самого автора и его сыновей. На первый план выходят авторское «я» и индивидуализм стиля, более отчетливо проявляются собственные мысли и чувства повествователя. По-видимому, первоначальной целью Т. Ялсыгула было составление и описание своей родословной. Однако впоследствии его рукопись вышла за рамки жанра шежере и превратилась в историко-литературное произведение более крупного плана, в котором освещается история не только башкирского рода Айле, но и всего Урало-Поволжья и даже часть «общечеловеческой» истории.

Определенное структурное и тематическое сходство с «Тарихнаме-и булгар» Т. Ялсыгула имеет сочинение «Усерган таварихы» («Истории Усергана») неизвестного автора, дошедшего до наших дней в рукописном списке конца XIX века. В нем также вначале излагается «всеобщая история». Но, в отличие от вышерассмотренного тарихнаме, повествование начинается не с упоминания Адама и Евы, а с имени Нуха (Ноя), яко-

бы раздавшего весь земной шар своим трем сыновьям: Саму, Хаму и Яфесу. После краткого «освещения» всемирной истории анонимный автор переходит к изложению прошлого тюркских племен, а затем – собственно башкир.

В тексте данного тарихнаме представлены две параллельно идущие генеалогические линии: генеалогия пророков и святых с одной стороны и генеалогия беев и ханов – с другой. Последняя завершается именем башкирского бая Казаксала. Большинство имен из генеалогий сопровождается повествовательными текстами в виде мифов, легенд и преданий. В художественно-эстетическом отношении наиболее ценными и интересными являются те строки, которые сопровождают имена Туктамышхана, Тура-хана, Урмамбета ибн Исмагила и Сурабан-бей. В них автор не просто сообщает или приводит сведения, но и с пристрастием излагает исторические события, происходившие на Южном Урале во времена их правления.

В рукописи сильно ощущается мотивы «Китабы Джиханнаме» («Книга о Вселенной»), «Киссас ал-анбия» («Житие пророков») Рабгузи, анонимного «Чингизнаме», «Шежере-и тюрк» Абулгази, родословных записей усерганского, кипчакского, тамьянского и бурзянского родов и племен, а также отдельных памятников народного устно-поэтического творчества. Текст интересен и в языковом плане. В нем преобладает башкирская лексика и довольно часто встречаются элементы просторечия.

Примечательно, что до наших дней дошел еще один рукописный список данного тарихнаме. Он составлен в 1-й четверти XX века Х. Тугызбаевым из п. Бурибай Хайбуллинского района Башкортостана¹. По структуре и содержанию рукопись во многом повторяет вышерассмотренный список. В то же время имеет и отличительные особенности.

¹ Рукопись хранится в личной коллекции академика АН РБ Г. Б. Хусаинова.

Х. Тугызбаев не просто пересказывает «Историю Усергана», но и местами выражает свои критические взгляды в отношении того или иного сведения, вносит ряд исправлений и добавлений. Он критикует ранних авторов за допущенные ошибки и вымыслы, приводит интересные сведения о башкирском ученом-просветителе З. Расулеве, легендарном Алдарбатыре Исянгильдине и некоторых других известных исторических личностях. Рукопись заканчивается увлекательным описанием истории рода Мамбет.

В пятой главе «Историко-функциональные жанры на пороге новой литературы» делается хронологический обзор исторических сочинений конца XIX – начала XX веков. Отмечается, что изучение отдельных рукописных и старопечатных книг, в том числе «Ядкар» («Памятки») М. Уметбаева, «Таварих-и башкордиан ва ансаб-и ирактиввиан» («Истории башкир и родословная ирактинцев») Г. Киикова, «Тарих-и булгар ва сакалиба» («История булгар и славян») Г. Салихова, «Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вакаиғ Казан ва Булгар ва мулюк ат-татар» («Выдуманные сведения и привитые сочинения о казанских и болгарских событиях и татарских правителях») М. Рамзи, «История тюрков и татар» А. Валидова (А. З. Валиди-Тогана) и «История башкир» М. Хадыева, показывает, что в конце XIX – начале XX столетий башкирская традиционная историография постепенно лишается элементов словесного искусства и из года в год приобретает все более объективный и достоверный характер. Язык и стиль ее все сильнее тяготеют к деловому и нормированному, типичным становится использование документальных источников, а также работ известных восточных и западных историков. Авторы чаще приводят факты и конкретные даты, стремятся к критическим и аналитическим размышлениям; ширится понимание истории как отдельной науки со свойственными только ей целями и задачами.

Шежере как жанр испытывает большие изменения. Его составители начинают ограничиваться лишь генеалогическими схемами и конкретными сообщениями. Таварих и тарихнаме же претерпевают трансформацию и прекращают существование в прежнем виде. Их места занимают жанры сугубо научные и сугубо художественные.

Дифференциация и обособление элементов исторической науки и словесного искусства обусловлены крупными сдвигами в социально-экономической и культурной жизни Башкирии в конце XIX – начале XX столетий.

Новая башкирская литература возникла не на пустом месте. Она зародилась и выросла на почве фольклорного наследия и старой синкретической литературы, неотъемлемой частью которой явились историко-функциональные жанры. В начале XX века стали появляться собственно художественные произведения исторического содержания (стихи С. Якшигулова, Ш. Аминева-Тамьяни, рассказы и драмы Ф. Сулейманова, Ф. Туйкина, Бахтияра Бахтигарей углы, А. Тагирова и др.). Мотивы произведений этих жанров встречаются и в современной исторической прозе.

В заключении диссертации подведены основные итоги исследования.

Историко-функциональные жанры занимали особое место в системе жанров средневековой литературы. Они возникли из насущной потребности народов отражать, фиксировать свое прошлое. В силу синкретичности общественного сознания того времени, которая была обусловлена универсальным характером материального производства, в произведениях этих жанров наряду с элементами историографии в недифференцированном виде сосуществовали элементы многих областей человеческого познания, в том числе искусства слова.

В прошлом у башкир, также как и у многих других народов, было широко распространено составление генеалогий – шежере. Для того, чтобы полнее сохранить в памяти имена предков и важнейшие события прошлого, они нередко излагали их в стихотворном виде. С распространением письменности предпочтение стало отдаваться прозаической форме, однако не забывалась и поэтическая форма изложения.

По формальным признакам башкирские шежере делятся на 2 основных вида: номинальные (или схематические) и нарративные. Внимание литературоведов привлекает второй вид, ибо отдельные повествовательные шежере представляют ценность не только как исторические и лингвистические источники, но и как памятники художественного творчества. В них имена чередуются живым, эмоционально окрашенным рассказом о былых событиях. Составители часто используют образные сравнения, диалоги, монологи и другие художественно-образительные средства. Включенные в тексты мифы, легенды, предания, поговорки и пословицы еще более поднимают литературно-эстетическую ценность родословий. Таковы шежере юрматинского, айлинского, кипчакского, усерганского, мамбетского, бурзянского, минского, табынского и некоторых других башкирских родов и племен.

По структуре повествовательные шежере состоят из 2-х частей: введения и основной части. Заключение как такового у них не бывает, поскольку этот жанр предполагает бесконечное продолжение текста последующими поколениями.

Шежере присущ специфический стиль. Он характеризуется краткостью и выразительностью. В освещении древности обычно приводятся мифы, легенды и предания, затем используются рассказы, а иногда и сведения из документальных источников. Своеобразие стиля отдельных башкирских родословных связано с тем, что в них прозаический текст чередуется со стихотворным. Включенные в рукописи поэтические стро-

ки во многих случаях имеют фольклорное происхождение и отличаются выразительностью языка. Это наглядно видно из шежере мамбетского и тамьян-катайского родов. В художественно-эстетическом плане огромный интерес представляют родословные записи усерганских и ирактинских башкир, целиком составленных в поэтической форме. Если первая выдержана в духе фольклорного эпического жанра кубаира, то вторая больше тяготеет к произведениям средневековой тюркской поэзии.

Во времена консолидации башкирских племен и образования единой народности люди стали интересоваться историей не только своего рода или племени, но и родоплеменного объединения, народа и даже целого этнического региона. Этот период по времени совпадает с зарождением тюркской переводной исторической литературы. В XVI–XVIII веках переводятся сочинения Рашид-ад-дина, Джувейни и других известных восточных историков. Переводчики больше внимания уделяют к тем частям источников, где отражена история тюркских племен, и от себя добавляют оригинальные главы, посвященные событиям местного значения.

Позднее на этой почве начинают появляться собственно тюркские исторические сочинения под жанровым названием «таварих». Из них среди башкир, татар и казахов широкое распространение получают «Чингизнаме» неизвестного автора и «Таварих-и Булгария» Х. Муслими. Тюркские таварихи имеют определенное сходство с русскими летописями и хрониками, но не идентичны им. По своей жанровой природе они генетически связаны с местными шежере и с историко-литературными памятниками средневекового Востока. В идейно-тематическом плане их можно сопоставить с исландскими королевскими сагами. События и явления регионального масштаба в них тесно переплетаются с родоплеменными генеалогиями и событиями узколокального характера.

«Чингизнаме» – сложное по тематике и структуре историко-литературное произведение. Оно тесно связано с башкирским фольклором, в частности, с древними дидактическими кубаирами, со старинной песенной легендой «Мелодия Буягым-хана и ее история», с народными эпосами «Кузы-Курпес и Маянхылу», «Кужак и Таргын», «Карас батыр», «Идукай и Мурадым» и др. Произведения устно-поэтического творчества не только поднимают художественно-эстетическую ценность «Чингизнаме», но и вносят в его содержание демократические и гуманистические идеи. В сочинении воспеваются такие качества, как целеустремленность, бескорыстие, уважение к старшим, любовь к родине и осуждаются жестокость, алчность, предательство и высокомерие.

Анонимный автор многое заимствовал также из шежере, в том числе из родословных записей юрматинского, усерганского и других башкирских родов и племен. Восточные традиции, которые обнаруживаются в «Чингизнаме», восходят к средневековым арабским и персидским «всеобщим историям», к сочинениям о пророке Мухаммеде и его последователях, к монгольским манускриптам о Чингиз-хане. В нем сильны также мотивы древнетюркских письменных памятников «Китаб-и дедем Коркут» и «Шежере-и тюрк» Абулгази.

Довольно сложное содержание и композицию имеет и «Таварих-и Булгария» Х. Муслими. В основе его первой главы лежат традиционные теории средневековых географов и астрономов. Здесь описательность изложения материала часто чередуется сюжетным повествованием. Во второй главе сильны традиции и мотивы восточной агиографической литературы. Х. Муслими широко пользуется сведениями местных родословных записей, в том числе некоторых башкирских шежере. Он многое заимствовал также из устного народного творчества. Это отчетливо видно на примере легенды о Туйбике.

В сочинении Х. Муслими ярче выражена жанровая синкретичность. Кроме историографии, в нем отчетливо проступают элементы географии, астрономии, агиографии, теологии, мифологии и ряда других областей человеческого познания. Весь этот пестрый и разнообразный материал изложен с широким использованием художественно-изобразительных средств. Однако по художественным, эстетическим качествам данный таварих ощутимо уступает «Чингизнаме». Элементы словесного искусства встречаются в нем гораздо реже.

Сочинение Г. Сокрыя «Таварих-и Булгария, яки Такриб-и Гари», написанное в последней четверти XIX века, отличается тем, что содержит больше исторически достоверных сведений. Но и оно в целом осталось в рамках традиционных таварихов. Ибо автор, хотя и берет под сомнение отдельные положения и сведения сочинения Х. Муслими, не затрагивает основополагающих принципов и канонов феодальной историографии. Его таварих также построен по старым образцам и характеризуется жанровой синкретичностью. Сочинению присущи индивидуализм стиля и образность языка, приведены много легенд, преданий, народных пословиц и поговорок.

В прошлые века в тюркско-башкирской литературе бытовал и жанр тарихнаме. Он содержит в себе элементы как шежере, так и тавариха. Однако, в сущности, не является ни тем, ни другим. В тарихнаме повествование, как правило, начинается с мировой истории, вернее, с мифических и легендарных сюжетов о сотворении мира, всемирном потопе, первых пророках и т.п. Далее описываются события регионального масштаба, жизнь и деятельность известных исторических личностей. Нарративный текст, который тесно переплетен с генеалогией имен, заканчивается рассказами о событиях, имеющих непосредственное отношение к отдельно взятому роду или племени.

К числу подобных сочинений относится «Тарихнаме-и булгар» Т. Ялсыгула. В нем повествование начинается от Адама и Евы, от всемирного потопа и завершается описанием истории айлинских башкир. Начальная часть типологически сходна средневековым западным историческим хроникам и состоит преимущественно из мифов и легенд. В основной части, где излагается история тюркских племен и народов, чаще встречаются элементы реалистичности и правдоподобности. Заключение же идентично обычным повествовательным шежере. Здесь автор больше рассказывает от своего «я» и генеалогию имен чередует собственными воспоминаниями об увиденном и пережитом.

Сохранилось до наших дней еще одно тарихнаме – «Истории Усергана» неизвестного автора. По структуре и содержанию оно несколько отличается от сочинения Т. Ялсыгула. В нем представлены две параллельно идущие генеалогические линии и нарративный текст начинается с имени Нуха (Ноя) и его сыновей. Аноним больше внимания уделяет описанию прошлого башкирских родов и племен и указанию границ занимаемых ими земель. Список данного сочинения, составленный Х. Тугызбаевым, заканчивается повествованием истории мамбетского рода. Здесь присутствуют элементы критики ранних источников и стремление к достоверности освещения истории. В «Истории Усергана» преобладает башкирский народно-разговорный язык; повествуя в основном от 3-го лица, автор нередко переходит на собственное «я» и излагает прошлое как увиденное и услышанное им самим.

В конце XIX – начале XX столетий в связи с большими переменами в социально-экономической и культурной жизни башкирского общества историко-функциональные жанры испытывают процесс постепенной трансформации и тем самым создают благоприятную почву для зарождения подлинно художественной исторической прозы. Отдельные сюжеты и мотивы шежере, тавариха и тарихнаме активно используются в со-

временных исторических повестях и романах. Это отчетливо видно в произведениях К. Мэргэна, А. Хакимова, Г. Хусаинова, Б. Рафикова и других прозаиков.

Значит, традиционные историко-литературные произведения прошлых веков не исчезли бесследно, они и поныне продолжают служить литературе.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК МОиН РФ

1. Надергулов, М.Х. Сюжет «Чингизнаме» в башкирском фольклоре (записи русских ученых 19 в.) [Текст] / М.Х. Надергулов // Известия Уральского государственного университета. 2006. – Вып. 12. Гуманитарные науки. – Сер. 2. Культурология. Искусствоведение. Филология. История. – №47. – С. 266–269.
2. Надергулов, М.Х. К вопросу об истоках башкирской исторической прозы [Текст] / М.Х. Надергулов // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. – Вып. 24. Филология. Искусствоведение. – № 23(124). – С. 102–110.
3. Надергулов, М.Х. История башкирского края в записях Гарифуллы Киикова [Текст] / М.Х. Надергулов // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. – Вып. 26. Филология. Искусствоведение. – № 30 (131). – С. 104–108.
4. Надергулов, М.Х. Башкирские поэтические родословия [Текст] / М.Х. Надергулов // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. – Вып. 30. Филология. Искусствоведение. – № 10(148). – С. 73–75.
5. Надергулов, М.Х. Некоторые заметки об анонимном сочинении «История Усергана» [Текст] / М.Х. Надергулов // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. – Вып. 31. Филология. Искусствоведение. №13 (151). – С. 84–88.
6. Надергулов, М.Х. История изучения башкирских историко-литературных сочинений [Текст] / М.Х. Надергулов // Известия Уральского государственного университета. 2009. Гуманитарные науки. – №3(65). – С. 116–122.
7. Надергулов, М.Х. От исторической беллетристики к литературе и

науке [Текст] /М.Х. Надергулов // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. – Вып. 33. Филология. Искусствоведение. – №22 (160). С. 76–78.

Другие публикации

8. Надергулов, М.Х. Сочинение «Таварих-и Булгария, йаки Такриб-и Гари» Г. Сокрыя [Текст] /М.Х. Надергулов // Вопросы метода и стиля в башкирской литературе. – Уфа: Изд-во БФАН СССР, 1982. – С. 110–116 (на башк. яз.).
9. Надергулов, М.Х. «Таварих-и Булгария, йаки Такриб-и Гари» – итоговое произведение Г. Сокрыя [Текст] /М.Х. Надергулов // Источниковедение башкирской филологии. – Уфа: Изд-во БФАН СССР, 1984. – С. 49–52.
10. Надергулов, М.Х. Шежере кара-табынского рода [Текст] / М.Х. Надергулов // Башкирские шежере: Филологические исследования и публикации. – Уфа: Изд-во БФАН СССР, 1985. – С. 77–87 (на башк. яз.).
11. Надергулов, М.Х. «Таварих-и Булгария, йаки Такриб-и Гари» Г. Сокрыя как памятник художественной литературы [Текст] / М.Х. Надергулов // Источники по истории и культуре Башкирии. – Уфа: Изд-во БФАН СССР, 1986. – С. 162–164.
12. Надергулов, М.Х. К истории зарождения жанра таварих в башкирской литературе [Текст] /М.Х. Надергулов // Из прошлого и настоящего башкирской письменной культуры и языка. – Уфа: Изд-во БФАН СССР, 1988. – С. 97–100.
13. Надергулов, М.Х. Шежере и таварих [Текст] /М.Х. Надергулов // Агидель. 1989. – № 12. – С. 63–66 (на башк. яз.).
14. Надергулов, М.Х. (в соавторстве) Гали Сокрый [Текст] /М.Х. Надергулов, А. Х. Вильданов // История башкирской литературы: в 6 т. – Уфа: Башкиргоиздат, 1990. – Т. 2. Литература XIX – начала XX веков. – С.

- 185–200 (на башк. яз.).
15. Надергулов, М.Х. Гарифулла Кииков [Текст] /М.Х. Надергулов // Там же. – С. 292–300 (на башк. яз.)
 16. Надергулов, М.Х. Некоторые литературно-художественные особенности анонимного «Чингизнаме» [Текст] /М.Х. Надергулов // Проблемы духовной культуры тюркских народов СССР. – Уфа: Изд-во БФАН СССР, 1991. – С. 56–57.
 17. Надергулов, М.Х. Орхоно-енисейские памятники [Текст] /М.Х. Надергулов // Агидель. 1992. – № 6. – С. 172–182 (на башк. и древнетюрк. яз.).
 18. Надергулов, М.Х. Шежере рода Юрматы [Текст] /М.Х. Надергулов // Агидель. 1993. – №9. – С. 152–155 (на башк. яз.).
 19. Надергулов, М.Х. Шежере карагай-кипчакского рода [Текст] /М.Х.Надергулов // Агидель. 1993. – №10. – С. 176–177 (на башк. яз.).
 20. Надергулов, М.Х. Краткое описание фонда М. Уметбаева из архива Уфимского научного центра РАН [Текст] /М.Х.Надергулов. – Уфа: Изд-во УНЦ РАН, 1993. – 170 с.
 21. Надергулов, М.Х. Башкирские шежере как историко-литературные памятники [Текст] /М.Х. Надергулов // История края и судьбы людей. – Уфа: Изд-во БашГУ, 1994. – С. 14–16.
 22. Надергулов, М.Х. Шежере ирактинского рода [Текст] /М.Х.Надергулов //Агидель. 1994. – № 1. – С. 142–143 (на башк. яз.).
 23. Надергулов, М.Х. Новые страницы творчества Гали Сокрыя [Текст] / М.Х. Надергулов // Вопросы башкирской литературы. Литература. Фольклор. Литературное наследие. – Уфа: Изд-во БашГУ, 1996. – С. 84–92 (на башк. яз.).
 24. Надергулов, М.Х. Инан, Абдулкадир [Текст] /М.Х. Надергулов // Башкортостан: Краткая энциклопедия. – Уфа: Башк. энциклопедия, 1996. – С. 308.
 25. Надергулов, М.Х. «Истории Усерган» [Текст] /М.Х. Надергулов // Там

- же. – С. 308.
26. Надергулов, М.Х. Кииков, Гарифулла [Текст] /М.Х. Надергулов // Там же. – С. 333–334.
27. Надергулов, М.Х. Таварих [Текст] /М.Х. Надергулов // Там же. – С. 556.
28. Надергулов, М.Х. «Чингизнаме» [Текст] /М.Х. Надергулов // Там же. – С. 635–637.
29. Надергулов, М.Х. Следы времени в творчестве Г. Сокрыя [Текст] /М.Х. Надергулов // Ватандаш. 1996. – № 1. – С. 113–130 (на башк. яз.).
30. Родословная башкир Юмран-Табынской волости со сведениями титулярного советника и кавалера Мухаметсалима Уметбаева, дополненная относящимися к ней документами [Текст] /Пер. на башк. яз. М.Х.Надергулова, пер. на рус.яз., подг. к изд. Р.М. Булгакова. – Уфа: Нур-Полиграфиздат, 1997. – 88 с., 24 л. прил.
31. Надергулов, М.Х. Башкирские историко-литературные памятники [Текст] /М.Х. Надергулов // Ватандаш. 1998. – №7. – С. 186–188 (на башк. яз.).
32. Антология башкирской литературы: в 2 т. – Уфа: Китап, 1999. – Т. 1. XIII–XVIII века [Текст] /Сост., авторы вступ. статьи М.Х. Надергулов, Г.Б. Хусаинов. – 464 (на старотюрк. и башк. яз.).
33. Надергулов, М.Х. Башкирские шежере (особенности языка и стиля) [Текст] /М.Х. Надергулов // Ядкяр. 2000. – №3. – С. 5–25 (на башк. яз.).
34. Надергулов, М.Х. Башкирские рукописные исторические источники и письменное наследие Гарифуллы Киикова [Текст] /М.Х. Надергулов // Археография Южного Урала: исторические источники и современные методы. Материалы межрег. научно-практич. конференции. Уфа, 20-21 сент. 2001 г. – Уфа: Тау, 2001. – С. 211–215.
35. Антология башкирской поэзии [Текст] /Сост. Р.Т. Бикбаев (автор вступ. статьи), Г.Б. Хусаинов, М.Х. Надергулов, И.Л. Киньябулатов,

- Ф.С. Ахметова. – Уфа: Китап, 2001. – 816 с. (на башк. яз.).
36. Надергулов, М.Х. Анонимное историко-литературное сочинение «Чингизнаме» (из опыта сравнительно-сопоставительного изучения памятника) [Текст] /М.Х. Надергулов // Межкультурный диалог на евразийском пространстве. Материалы междунар. научн. конференции. Уфа, 30 сент. – 2 окт. 2002 г. – Уфа: Изд-во БашГУ, 2002. – С. 144–145.
37. Надергулов, М.Х. К вопросу о становлении башкирской исторической науки [Текст] /М.Х. Надергулов //Археография Южного Урала. – Уфа: Изд-во БашГУ, 2002. – Вып. II. – С. 163–167.
38. Надергулов, М.Х. Историко-функциональные жанры башкирской литературы (генезис, типология, традиции) [Текст] /М.Х. Надергулов. – Уфа: Китап, 2002. – 192 с.
39. Башкирские родословные [Текст] /Сост., предисл., поясн. к пер. на рус. яз., послесловие и указатели Р.М. Булгакова, М.Х. Надергулова. – Уфа: Китап, 2002. – Вып. 1. Издание на рус. яз. – 480 с.
40. Надергулов, М.Х. Археография Башкортостана: история и современность [Текст] /М.Х. Надергулов //Археография Южного Урала. – Уфа: Изд-во БашГУ, 2003. – Вып. III. – С. 102–106.
41. Надергулов, М.Х. Элементы эпического фольклора в сочинении «Чингизнаме» неизвестного автора [Текст] /М.Х. Надергулов // Актуальные проблемы башкирского эпосоведения. Материалы научн. конференции. – Уфа: Гилем, 2003. – Вып. I. – С. 119–123.
42. Надергулов, М.Х. Стилиевые особенности башкирских исторических сочинений XVI – начала XX веков [Текст] /М.Х. Надергулов. – Уфа: Гилем, 2004. – 96 с. (на башк. яз.).
43. Надергулов, М.Х. О состоянии и проблемах изучения башкирских историко-литературных памятников [Текст] /М.Х. Надергулов // Тюркология накануне XXI века (достижения, состояние, перспективы): Труды междунар. конгресса: в 2 т. – Уфа: Гилем, 2005. – Т. 2. – С. 162–165.

44. Надергулов, М.Х. Истоки башкирской художественной прозы [Текст] /М.Х. Надергулов // Литература Урала: история и современность: Сборник статей. – Екатеринбург: УрО РАН; Объединенный музей писателей Урала; Изд-во АМБ, 2006. – С. 233–244.
45. Надергулов, М.Х. Религиозные деятели, писатели и ученые в записях Ризы Фахретдинова [Текст] /М.Х. Надергулов // Проблемы башкирской, татарской культуры и наследие Ризы Фахретдинова. – Уфа: 000 «Принт», 2006. – С. 25–27 (на башк. яз.).
46. Надергулов, М.Х. Состояние и проблемы башкирской археографии в свете литературоведческих изысканий [Текст] /М.Х. Надергулов // Литература Урала: история и современность. – Вып. 2. Материалы Всероссий. научн. конференции «Литература Урала: проблема региональной идентичности и развитие художественной традиции». Екатеринбург, 5-7 окт. 2006 г. – Екатеринбург: УрО РАН, Издат. дом «Союз писателей», 2006. – С. 137–139.
47. Надергулов, М.Х. и др. Письменные дастаны [Текст] /М.Х. Надергулов, Г.Б. Хусаинов, А.М. Сулейманов. – Уфа: Гилем, 2006. – 163 с. (на башк. яз.).
48. Образцы башкирской прозы XIX – начала XX веков [Текст] /Автор вступ. статьи, отв. ред. М.Х. Надергулов. – Уфа: Гилем, 2006. – 194 с. (на башк. яз.).
49. Антология башкирской литературы: в 2 т. – Уфа: Китап, 2007. – Т. 2. XIX век [Текст] /Сост., авторы вступ. статьи М.Х. Надергулов, Г.Б. Хусаинов, З.Я. Шарипова. – 388 с. (на башк. яз.).
50. Надергулов, М.Х. Фольклорные мотивы в анонимном «Чингизнаме» [Текст] /М.Х. Надергулов // Башкиры из прошлого до настоящего. Исследования по истории, языку и культуре. – Стамбул: Отукен, 2008. – С. 225–228 (на турецк. яз.).
51. Надергулов, М.Х. Башкирские нарративные родословия как литера-

- турные памятники [Текст] /М.Х. Надергулов // Литература Урала: история и современность. – Вып. 4. Материалы Всеросс. науч. конференции «Локальные тексты и типы региональных нарративов». Екатеринбург, 5-7 окт. 2008 г. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2008. – С. 409–414.
52. Башкирские шежере [Текст] /Сост., авторы вступ. статей М.Х. Надергулов, А.Г. Салихов; отв. ред. Ф.Г. Хисамитдинова. – Анкара: Анкамат, 2009. – 186 с. (на башк. и турецк. яз.).

Подписано в печать 02.11.2009 г.
Бумага офсетная. Формат 60x84/16.
Усл.печ.л.3,22. Уч.-изд.л. 3,53.
Тираж 110 экз. Заказ 136.

Отпечатано на ризографе с готового оригинал макета

ООО "Деловая династия"
г. Уфа, пр. Октября, 71, тел. (347) 235-60-50

